

ГЛАВА 16

Март начался вместе с большим завозом синьки. Восемьсот упаковок мы получили разом, забив ими весь склад. Весна пришла, а тепло – нет. Весь месяц температура стояла ниже нуля. Из-за холода синька продавалась вяло. Надежды на раннюю весну не сбылись, и я ходил мрачнее тучи и злее самой злобной собаки. Добавляла гнева еще и лужа у ворот склада, солнце уже припекало даже через холодный воздух, и талый снег днями стекался в низину к воротам и замерзал ночами. Нижние края ворот прихватывались льдом намертво, я и отец брали лом и выдалбливали их. И так каждое утро всю вторую половину марта. В апреле температура резко подскочила до десяти градусов, оставаясь выше нуля и ночами. Переставшая замерзать лужа набухла и потекла через порог. С неделю мы месили ногами грязь в складе, пока солнце совсем не высушило землю. Внутреннее напряжение от затянувшейся зимы и слабых продаж схлынуло, мы с отцом облегченно перевели дух и тут же тринадцатого апреля разругались вдрызг. Все накопленное вышло наружу. Старых вопросов это не решило, лишь добавило новых и усилило раскол.

- Все сидишь играешь? – произнес отец, войдя в мою комнату.

Уловив в его голосе нотки раздражения и недовольства, я напрягся, произнес, сидя в обшарпанном на подлокотниках кресле у компьютера: «Играю, а что еще делать-то?»

- Занялся бы чем-нибудь полезным, а не этими глупыми игрушками! – не снижая тона недовольства, добавил отец. – Сидишь как малолетний, играешься целыми днями!

- Чем это полезным я должен, по-твоему, заняться!? – отвлекся я от монитора и развернулся в полоборота к отцу, который остановился у балконной двери, взявшись за ручку. Он, как обычно, шел на балкон курить и нервно крутил в другой руке сигарету.

- Думал бы лучше о работе! – сказал отец, повернул ручку и распахнул балконную дверь, сунул сигарету в рот.

- А чего о ней думать!? Вроде все нормально у нас или нет!? – поддержал я тон.

- Нормально!? Ну, раз ты считаешь, что открыть и закрыть две розничные точки – нормально, тогда, да, все нормально! – замер в дверном проеме отец, успев перед фразой вынуть сигарету изо рта и начать ее снова мять.

- А причем здесь это!? – дернулся я от неприятного поворота диалога.

- А при том, что сколько сил и времени потратили на них, оборудование торговое заказали и что!? Стоит оно теперь на складе, пылится! Выброшенные на ветер деньги!

- Насколько я знаю, решения об открытии точек мы вместе принимали, или как!? – развел я руками. – Сказал бы, что ты против, и точек бы не было! Я что ли виноват в том, что они не заработали!? И при чем здесь то, что я сижу играюсь в игрушки, я не пойму!? Кому я мешаю!? Я ж не говорю, что ты опять идешь курить на балкон и торчишь там с сигаретой постоянно! Или ты там о работе думаешь!?

- Думаю о работе, да! – сказал отец, вернулся в комнату, сел на краешек дивана.

- И чего ж надумал, расскажи, мне интересно!?

- Ты не умничай, давай, понял!? Я тебе отец, поэтому прикуси язык!

- Ну вот опять, как думать о работе – так мы партнеры, и ко мне претензии, а как узнать, тоже самое у тебя – так ты отец! Ловко у тебя получается!

- Да! Ловко! – зло сцепил зубы отец.

- Да что за предьявы, я не пойму!? – начал злиться и я. – Тебе что-то не нравится!?

- Не нравится то, что ты без конца сидишь в интернете и играешься в игрушки!

- А какая тебе-то разница, чем я занимаюсь в свободное время!?

Несколько секунд в образовавшейся паузе мы смотрели друг на друга враждебно.

- Или лучше, когда я по клубам хожу!? Так ты скажи! Зима кончилась, потеплело, хорошо, буду по клубам ходить. Но ты же сам всегда недоволен, когда я деньги у тебя прошу на клуб, ты же мне постоянно выговариваешь, что я деньги трачу! А что мне тогда делать, сесть и сидеть дома как ты и целыми днями торчать на балконе с сигаретой, чтоб, не дай Бог, не потратить лишнюю копейку!? Так что ли!? Так я и так сижу дома, ну да, играю на компьютере в игрушки, и что с того!? Я не пойму, хожу по клубам – плохо, сижу дома – плохо, а как хорошо-то!?

Отец сверлил меня пристально, желваки его играли.

- Ну, что ты молчишь!? Говори! – развел руками я.

- О чем с тобой говорить!? Так ты... - отец отмахнулся, встал и шагнул к балкону.

- Как всегда! Как возразить нечего, так со мной и говорить не о чем...

Отец задержался в двери, метнул в меня взгляд и, сдержавшись, вышел на балкон. Я повернулся к монитору, но настрой на игру уже пропал, адреналин бегал в крови, мешая расслабиться и подпитывая кипящее внутри меня негодование. Рассеянно кликая мышкой в напряжении, краем глаза я заметил, что отец докурил. Я напрягся. Продолжать ссору не хотелось, но сдавать свои позиции я не думал. Наоборот, к каждым новым конфликтом, я отвечал отцу все жестче. Он снова сел на диван, цыкнул. Я приготовился к продолжению.

- Ну, так что? – произнес отец.

- Что – что!? – сказал я, не отрываясь от монитора и усиленно кликая мышкой.

- Как дальше будем работать, директор!? – произнес отец с ухмылкой, которую я засёк боковым зрением.

- А причем здесь – директор!? – повернулся я к нему. – Мы вместе работаем, у нас нет директоров.

- Ну, как же нет? Ты постоянно говоришь, что сам все придумываешь, а я здесь так: принеси, подай – пойдешь нахер, не мешай. Так!?

- Нет, не так. Кто тебе такое сказал? Мы работаем вместе и вместе принимаем решения, вот и все. Все просто.

- Но ты же говоришь, что сам все узнал и разобрался, - явно провоцировал отец.

- В чем именно? Давай, разберемся, я не против. Ты, вот, наоборот, мне постоянно говоришь, что всему научил. А чему научил!? Как заполнять на коленке накладную и как высчитать налог!? Не спорю, было такое! Давай дальше, чему еще научил!?

Отец молчал, смотрел на меня.

- Вот стоит компьютер! – указал я на монитор. – Ты меня научил на нем работать? Нет. Я сам учился. Ты же вообще не умеешь на нем работать!

- А как я буду на нем работать, если ты за компьютером круглосуточно сидишь!?

- А ты разве изъявлял желание изучить компьютер!? – удивился я.

- Да, конечно! Я говорил тебе, что неплохо было бы и мне изучить компьютер и эту бухгалтерскую программу твою!

- Ничего себе заявление! Я что-то не припомню таких слов от тебя!

- Да ты много чего не припомнишь! – пошел в наступление отец. – Я заметил, у тебя память очень избирательно работает!

- Вот как!?

- Да, вот так! А как ты хотел!? Думал, я вокруг тебя прыгать буду!?

- Зачем вокруг меня прыгать!? – удивился я странной логике. – Хорошо, ты хочешь освоить компьютер, а я тут такой узурпатор, сижу и не даю тебе! Пожалуйста! Можешь хоть сейчас садиться и изучать его, чем смогу помогу, объясню!

- Ты мне эти сказки можешь не рассказывать!

- Какие сказки!? Я тебе предлагаю начать изучать компьютер, о чем ты и просил.

- Да такие сказки, завтра снова усядешься в кресло и тебя из него не выгнать!

- Да что за глупость-то!? – все еще удивляясь, я начал понимать, что отец банально «съезжает с темы». – Я тебя что-то не пойму! Ты собираешься изучать компьютер или ищешь причины, чтоб этого не делать!? Типа, я тебе не даю!? Вот! Я предлагаю! Изучай!

Позади раздался шорох, я обернулся – мать стояла в дверном проеме. Я разозлился, потянулся рукой и толкнул дверь. Мать едва успела отпрянуть, дверь с размаху хлопнула перед ее удивленным лицом. Привычка матери всюду и все подслушивать вывела меня из себя. Ее шаги торопливо затихли в коридоре.

- Ловко, я смотрю, ты устроился! Отец баранку крутит, коробки таскает, а сейчас и бухгалтерию еще будет вести! Вот, красота! А Рома будет только получать свою половину и ничего не делать! – коряво выкрутился отец.

Я понимал, что он не собирался ничего изучать. Но зачем обвинять меня?

- Да почему это, ничего не делать!? Поменяемся! Я буду крутить руль, а ты – вести учет, обзванивать клиентов, планировать работу и бегать с накладными! Согласен!?

- Ты ж водить не умеешь!

- Да почему это не умею!? Ну да, опыта мало, водил только нашу «двойку». Если надо, я подучусь и буду водить нормально.

- Да лааадно! – отмахнулся отец. – Водить он будет! Знаю я тебя!

- А что не так!? – не уловил я суть фразы. Отец опять вывернулся из темы своей же претензии, едва впереди замаячило ее решение.

- Сразу же куда-нибудь въедешь! Не надо! – категорично отмахнулся он, закинул ногу на ногу и откинулся на диване.

- То есть сам будешь водить и дальше?

- Получается так! – хлопнул отец себя по бедрам, собираясь встать, и добавил. – Ладно, бесполезно с тобой разговаривать!

- А чего ты тогда, как деляга, пришел и делиться начал!? – подлил я масла в огонь.

- Ты поосторожнее в выражениях, ты! – сцепил зубы отец, лицо его заострилось, глаза сузились и заблестели чистой злобой. – Попридержи язык, понял, сосунок!

О! Уже – сосунок! Все понятно, - отвернулся я от сверлящего взгляда и уставился в монитор, начав машинально и бесцельно кликать мышкой, качать головой, делая про себя неутешительные выводы. – Тогда нам больше не о чем разговаривать.

- Вот и сиди, играйся в свои игрушки как малолетний дурачок! – бросил отец уже мне в спину, выходя из комнаты. Дверь снова хлопнула.

- И буду играть, - буркнул я спокойно, но внутри меня все кипело.

«Что не так!? Почему он сознательно и явно идет на конфликт!? Зачем давит!? И этот переход на личности, не в первый раз... Чего он добивается!?»

Каша из мыслей крутилась в голове как в центрифуге.

- Старый мудака, - буркнул я, взял телефон и позвонил Вовке.

Следующие два дня мы общались лишь по рабочим вопросам. Отец рулил и курил, пока мы катались по избитым маршрутам, я же, отвернувшись, кисло пялился в свое окно. И под конец пятницы мы снова разругались. И опять вдрызг!

Все шло как обычно. Мы приехали в «Пересвет» полседьмого – последняя точка, разгружаемся и домой. Я выскочил из машины, оформил в офисе накладную, отнес ее на склад, спустился. Отец уже сидел на лавке, закинув ногу на ногу, и курил. «Газель» стояла у рампы. Я нырнул в кузов и за несколько минут выгрузил товар. Со склада пришла Галя, подседа рядом с отцом на лавку, закурила и стала крыжить накладную.

- Все верно, - сказала она, расписалась в накладной, протянула ее мне. – Вы – все?

- Да! Мы – все! – бодро хлопнул отец себя по бедрам и встал с лавочки, расплылся в улыбке. – Теперь домой отдыхать! Рабочая неделя закончена!

- Счастливые люди! – сказала Галя, затянулась сигаретой. – А нам еще два дня...

- Слушай, Галь, а дихлофосы уже начали завозить вам? – сказал я, помня о деле.

- Да, уже появились. Но только «Арбалет» завез свои, а больше никаких пока нет.

- Это хорошо, - буркнул я, закусил губу и глянул на отца, добавил: «Ладно! Я щас на витрину сгоняю, и поедем, подождешь меня пока тут, ладно?»

- Как директор скажет, так и будет! – с деланной исполнительностью произнес отец, глянул на кладовщицу. – Мы пока с Галей тут посидим, о жизни пообщаемся...

- Это кто? – улыбнулась и удивилась та. – Он, что ли у вас директор!?

- Дааа! – задрыгал ногой отец, наблюдая за мной ехидным взглядом. – Директор у меня, знаешь, какой строгий! Ууу!

Галя звонко засмеялась: «Ромка, ты, что ли строгий директор!?»

- Ааа! – отмахнулся я. – Он тебе расскажет, больше слушай! Ладно, я щас, быстро...

По пути в торговый зал базы я обдумывал странно участившееся в речи отца в мой адрес слово «директор». С виду безобидное, оно цепляло меня своим двойным смыслом, тем ехидством, поддевкой и ухмылками, с какими озвучивалось. Изученные до мелочей за несколько лет витрины я просмотрел за минуту. Ничего нового. «Надо ехать в «Сашу» и везти сюда дихлофосы, а то протянем, и кто-нибудь всунет их или еще какие-нибудь!» - возбужденно заскакали в голове мысли уже о работе. Я запомнил цены и пошел назад.

- Все!? Поехали!? – воскликнул отец, все так же сидя на лавке с Галей.

- Да, все, поехали! – торопливо подошел я к машине. – Галь, пока!

- Домой!? – радостно произнес отец уже в кабине, едва я сел рядом.

- Домой, домой, - сказал я отрешенно, думая о деле.

- Что опять не так? – на лицо отца вернулась настороженность.

- Да так, все так, поехали, - тем же тоном торопливо сказал я.

- Тебе не угодить, - недовольно произнес отец, бросив брезгливый взгляд.

Машина тронулась и неспешно покатила на выезд из базы.

- А мне и не надо угождать! – обострил я. Поддетый за чувство справедливости, я полез на рожон, желая выяснения отношений, и мы оба вспыхнули как спички.

- А что тебе надо!? – накрутил тон отец, ожесточившись в лице.

Машина миновала ворота и остановилась перед выездом на дорогу. Я глянул в обе стороны широкой улицы, к вечеру пятницы она была почти пуста.

- А мне ничего не надо! Что бы ты или перестал меня называть директором или дома мне не рассказывал, что я ничего не делаю, а весь бизнес ты придумал и вывел меня в люди, как ты выражаешься!

- Какой ты чувствительный!

- Да, чувствительный! А ты сидишь, Гале рассказываешь, что вот есть директор, типа, вот пусть он и бегаёт, а ты такой всего лишь скромный водитель и, типа, ничего не решаешь и потому сидишь тихонько на лавочке!

В потоке машин образовалась пауза, отец воткнул передачу, мы выехали влево.

- Ну, так тебе ж это хорошо! Ты же тут всем рулишь, так же думаешь!

- Я так не думаю и никогда не думал, не надо врать!! Чего ты врешь тут сидишь!??

- Чего тебе, блять, от меня надо!!!?? – заорал отец, остервенело ткнул передачу.

- Мне надо, чтоб ты тоже думал и предлагал какие-то решения, а не тупо обсасывал только мои!! Предлагай, давай, как нам развивать наш бизнес!?? В каком направлении!? А то ты ловкую позицию избрал! Как что предложить нового, так от тебя не дожدهшься! А как я предлагаю, так ты со всем соглашаешься, а потом, если не выходит, я же во всем и виноват! Зачем я это предлагал!? Вот, зря потратили деньги!! Так предложи!!! Предложи, раз такой умный!!! Чего молчишь!?? Критиковать все горазды! Ты же сам всегда говорил – настало твое время! Так действуй, раз настало! Чё ты вцепился в этот руль?!

Отец до скрежета сцепил зубы, заметался взглядом между мной и дорогой.

- Сука!!! Блять!!! Как ты заебал!!! – сквозь зубы процедил он, побагровел, резко свернул на обочину, заглушил двигатель, выскочил из машины. – Тварь!!! Мразь!!!

Отец со всего маху и силы хлопнул дверью и пошел по обочине прочь, трясясь, закуривая на ходу и матерясь. Растерянный, я остался сидеть в звенящей тишине. На меня накатила стыд. Я залился краской, лицо загорелось жаром.

- И что я такого сказал? – промямлил я, глядя вслед отцу и по сторонам, казалось, что все проходящие мимо видели и слышали нашу брань, а сейчас идут дальше, осуждают меня и разочаровано качают головами. – Да уж...

Минут десять я сидел так. Совесть ела меня со всех сторон, поедая слабые ростки внутренних возражений о том, что сказанное мною отцу, по сути, правда и ничего нового я ему не выдал, возможно, слишком прямолинейно, но тем лучше, и лучше вообще сразу говорить, что думаешь, чем копить в себе годами и дотянуть до таких дрызг.

- Да уж, - повторил я, тяжело выдохнул и немного успокоился возникшей задачей, надо было ехать домой. Я пересел влево и завел «газель». По полупустым улицам доехал я совершенно нормально. Припарковал машину во дворе и поднялся домой.

- А где отец? – удивилась мать, увидев меня одного на пороге.

- Не приехал, наверное, еще, - обыденным тоном произнес я. – Да приедет сейчас.

Я уже помылся, поел и сел курить на балконе, когда хлопнула входная дверь. Я занервничал. Продолжать ссору не хотелось, я понимал, что оба только что прошли новую точку в цепи разрушения. И разрушения чего? Отношений отца и сына? Или отношений партнеров по бизнесу? Или все вместе? Я не хотел заглядывать в такое будущее. Хотел ли я раздела бизнеса? Нет, конечно! Я же не идиот! Мы одна семья, чего нам делить!? Всегда не понимал близких родственников, занимающихся между собой дрызгами и всякого рода дележами. Так глупо! Плохо было то, что наше с отцом взаимное неприятие оголилось. И скрыть его мы уже не могли.

- Знаешь что, дружочек!? – раздался позади голос отца, и тяжелая рука грубо легла мне на плечо. Я замер, внутренне весь сжался в комок, в голове пронеслась дикая мысль о возможной драке. Внешне же я продолжал размеренно курить, и когда рука ушла с плеча, осторожно обернулся. Отец, сверля меня строгим взглядом, произнес:

- Мы с тобой, наверное, не сработаемся!

У меня перехватило дыхание. Самые мрачные картинки замелькали в моем мозгу – раздел бизнеса, делёж денег и разрушение всего, что с трудом по крупницам было собрано за несколько лет. Я собрал все спокойствие в голос и, тщательно продумав фразу, сказал:

- Ну, не сработаемся, значит, не сработаемся, как скажешь...

Отец задумался. С одной стороны, я дал понять, что уступать не намерен. С другой – переложил всю ответственность дальнейших шагов на отца. Отец растерялся и сдулся. Сработало. Я рассчитывал именно на это.

- Чтоб я такого больше не слышал! – выдал он через паузу раздумья и забарабанил указательным пальцем мне по плечу, жестко и неприятно. – Я не позволю тебе так со мной разговаривать! Я твой отец! Ты слышишь меня!?

- Слышу, - буркнул я и тут же ощутил, как вмиг стал спокоен. Отец потоптался за моей спиной несколько секунд и вышел, я продолжил курить, подумывая о звонке Вовке. Погода стояла шикарная, весна шла полным ходом, давя остатки зимы повсюду. Я закрыл глаза и положил голову на подоконник. Солнце тут же стало щедро греть мое лицо. Даже не верилось, что зима кончилась. За последние месяцы мы намучались, как никогда за все прошлые зимы. Три месяца постоянных и авральных чисток снега, и промозглый март с долблением льда под воротами склада – брррр, жуть. Я инстинктивно дернулся всем телом и даже на секунду ощутил зимний холод, словно промерз насквозь. «Ненавижу зиму!» - рявкнул я мысленно, и тут за спиной в комнате зазвонил мобильник.

В девять вечера мы с Вовкой уже шли по центру города. Мой желудок начал ныть, и я влил в него алкогольный коктейль, сдобренный никотином. Желудок стих. Внутреннее напряжение толкало слова наружу, мне нужно было выговориться. И я начать ныть почти без умолку, вываливая все скопившееся и давившее душу, на голову друга. Вовка слушал, поддакивал, возражал, в иные моменты озадаченно чесал затылок и бурчал неразборчиво.

- Ну да, Анатолий Васильевич – серьезный очень. Сложно, наверное, тебе с ним.

Я сказал, что сложно очень, что отец нудный и правильный, и что понимаю мать – жить с человеком, у которого самая сильная положительная эмоция – натянутая улыбка, та еще мука. Оказавшись в клубе, я продолжил изливать душу Вовке, тот поддакивал и облизывал взглядом всех проходящих мимо девушек.

- Ну, видишь! – сказал Вовка. – Он хочет тебя научить чему-то, хочет, чтоб ты не нарушал его авторитет, а ты ж такой, ершистый, никак он с тобой справиться не может!

Мы стояли с «отвертками» в арке грота. Алкоголь гасил мою взвинченность. Я был благодарен Вовке, он весь вечер слушал мое нытье, делая вид, будто ему интересно. Меня же как заклинило. Я пытался найти логику и справедливость в словах и поступках отца.

- Сказали, апрель доторгуем и все! – глядя на меня, хлопала своими выпученными глазами сменщица Надежды Петровны. На часах было 19:10, 18 апреля, понедельник.

- Ну, - вздохнул я, забирая выручку. – Раз так сказали, значит доторгуем апрель...

- А дальше-то что!? А как же будет-то!? А что, в мае уже торговать не будем!? – засыпала меня вопросами продавщица.

Выслушав причитания тетки, я снял выручку во втором киоске и уже через полчаса был дома, где сообщил новость отцу, дремавшему на диване. Руководство рынка на месте торговых рядов решило начать стройку, а киоски и павильоны перенести. Новое место не

виделось уже столь бойким. Я сказал, что выручка с киосков там наверняка будет ниже, а значит, рентабельность их станет такой же или даже ниже, чем у оптовых продаж.

Мы сидели уже на балконе, греясь в лучах вечернего солнца. Выслушав меня, отец с полминуты молчал, потягивая сигарету, наконец, произнес: «И что ты предлагаешь?»

- Не знаю, пока ничего не предлагаю, посмотрим, как решат хозяева рынка на счет киосков. Но, если у нас и закроется розница, то переживать не буду.

С одной стороны, потеря наработанного доходного места огорчала. С другой – все это время мы жили и работали, будто привязанные к киоскам. В любую погоду набирали и везли очередной заказ на рынок. Так нужная по началу стабильность, со временем стала тяготить и превратила киоски в кандалы. Они стали мешать движению и развитию. К тому же, по факту, с розницей мы опоздали. Киоски уже являлись сущим анахронизмом из 90-х годов. В момент, когда мы их купили, розничная торговля по формату и организации уже ушла вперед. Крупные точки теснили мелкие. Мы не тянули новый формат. Я понимал, едва киоски перестанут приносить доход, их придется просто оставить. На продажу я не надеялся. Кому в здравом уме нужны половинки разных контейнеров? Тупик с киосками так загрузил мне мозг, что через какое-то время я махнул на проблему рукой, предоставив решать ее самой жизни.

«Если закроем киоски, то высвободим около ста двадцати тысяч. А еще на складе запасы под розницу. Там под двести. Итого – три сотни свободных денег. Мы застряли в мелочевке. Нам нужен крупный поставщик. Триста тысяч даже через десять процентов – тридцатка, больше, чем дает розница и на тех же деньгах. Да, от розницы надо избавиться и усилить опт. А то ни там толком, ни там». Так размышлял я следующим утром лежа в полудреме в кровати. Нам требовался кардинальный шаг вперед, рывок. Я силен был найти правильное решение, выход, но горизонт интуиции был пуст.

- Блин, дихлофосы! – вырвалось у меня вслух, и сон улетучился вмиг. Я схватил мобильник, набрал номер «Саши». – Алло, Сергей!? Привет, Сереж!

В ухе приятно зазвучал мягкий, но слегка тревожный голос менеджера «Саши».

- Дихлофосы-то есть, но мы закрываемся, - произнес тот упавшим тоном. – Ни с того, ни с сего «Давидыч», вот, решил закрыть «Сашу». Сейчас обзваниваю поставщиков, говорю, чтоб приехали, забрали товар и рассчитались. Хорошо, что позвонил. Надо будет вам тоже приехать и забрать свой товар. Когда сможешь приехать?

- Ну... - взял я паузу. Новость огорошила. Она звучала неожиданно и странно.

Причин для закрытия я не видел. Нормальная фирма, работала стабильно. Хотя, кто знает?

- Смогу на той неделе, - произнес я. – Вы как будете работать, как обычно?

- Да, до конца месяца в обычном режиме.

- Ну, тогда на той неделе в четверг-пятницу приедем мы и на месте рассчитаемся.

- Хорошо, буду ждать.

- А если в субботу?

- Можешь и в субботу приезжать, но только часов до трех, не позже.

- Отлично, тогда если что, может даже и в субботу. Слушай, еще такое дело, у меня этот твой «Антипригар» застрял, я его тогда отобью тебе обратно и привезу, хорошо?

- Хорошо, привози, гы-гы-гы! – вдруг повеселел Сергей, засмеялся в трубку.

- Ну, все, тогда до следующей недели!

- Пока.

Я встал и пошел в душ. К проблеме с киосками добавилась вторая, косвенная.

- «Саша» закрывается! С дихлофосами косяк! – выдал я сходу новость отцу, едва после душа оказался на кухне и тут же полез по кастрюлям.

Тот, чинно жевавший, прекратил работать челюстями и замер, хлопая глазами.

- До конца месяца надо будет забрать свой товар, посмотреть, что из их висяков у нас есть, отбить им обратно и подбить сальдо! – добавил я.

- Да, - закивал отец, предварительно с усилием глотнув. – Надо будет, конечно.

- Дихлофосы надо искать! – плюхнулся я за стол напротив. – Лето впереди!

- Да, - снова закивал отец. – Дихлофосы надо искать.

- Ладно, - отмахнулся я от подкатившего раздражения. – Придумаем что-нибудь.

Последние две недели апреля прошли на рынке как предгрозовые. Слухи бродили разные: то все киоски закрывают; то закрывают часть киосков; то закрывают все, но часть перевезут на другую сторону рынка. От домыслов голова шла кругом. Продавцы и хозяева киосков и павильонов нервничали. Некоторые даже перестали подвозить товар. Другие же решили торговать до последнего, как и мы. Все разрешилось под самый вечер пятницы.

- Рома, привет, это Надежда Петровна! – раздался в мобильнике голос старушки, когда мы загружались на складе. – Сейчас мне сказали, что после обеда к вечеру ближе тут будет кран, и киоски будут перевозить на ту сторону рынка! Ну, это кто хочет только если! Мы будем перевозить киоски!? Как нам быть!?

Голос старушки дрожал. Решили, что товар с киосков соберем в «газель», а там видно будет. В три мы приехали на рынок, уже походивший на растревоженный улей.

Половины соседнего ряда павильонов уже не было – с утра кран переместил их на другую часть рынка. Надежда Петровна и Полина во всю собирали и упаковывали товар. Старушка делала это ловко и быстро. Полина неуклюже и коряво пихала товар в коробки.

- Анатолий Васильевич, так что с нашими киосками!? Переносить будут туда или как?! – завидев нас, почти крикнула Надежда Петровна.

- Да пока неизвестно, - замер отец и заскреб озадаченно мизинцем в затылке. – Узнать бы надо, что здесь и как.

- А что тут говорят, Надежда Петровна? – произнес я.

Старушка снова наговорила то, что сказала во время звонка.

- Надо, наверное, в администрацию сходить, да узнать все, а то от всех этих слухов одна путаница в голове. Ладно! – я повернулся к отцу. – Давай, я пока коробки в машину носить буду, а ты сходи в администрацию, узнай, что там и как!?

- Да, пожалуй, надо сходить, - сказал отец и принялся чесать за воротом рубашки.

Я взял самую большую коробку и понес в машину, едва не зацепив по пути отца.

- Ну, отойди чуть в сторону, не мешай, - буркнул я, видя, как отец все пребывает в растерянности, быстро отнес коробку в «газель» и вернулся за следующей.

Отец помялся и взял в руки коробку у Полины. Я тут же обозлился на него, поняв, смысл движение. Конфликты наши с его притязаниями на лидерство были свежи, которое он сейчас в простой ситуации не принял на себя, а стушевался и взялся за коробку.

- Да зачем ты носить собрался!? – не выдержал я. – Ну иди, сходи! Узнай, что к чему там! Коробки я и сам перетаскаю, тут их немного!

- Да? – замялся отец, поставил коробку обратно.

- Да! Иди! – добавил я с нажимом.

Продавщицы, словно прочитав в моих глазах внутреннее решение на счет киосков, стали и дальше собирать товар, но уже без надежды на дальнейшую работу.

- А вы продавать киоски не собираетесь? – неожиданно спросила старушка.

- Продавать!?! – застыл я с коробкой в руках.

- Да тут ходили покупатели с утра, - буркнула Полина. – Вернее покупательница, тетка какая-то, спрашивала, никто киоск продавать тут не собирается? Ну, а мы ж не знаем, будете вы продавать или нет. Сказала, что вечером еще придет.

- О как! Надо же! – удивился я, задумался, возникла мысль, я глянул на соседа, тот освобождал свой киоск. Мы с ним не очень ладили, но попробовать стоило. Я обернулся – отец вразвалочку удалялся в сторону здания рынка. Подойдя к соседу, я сходу предложил обменять его половинку на киоск Полины, так, чтобы у нас поучился единый контейнер. Тот задумался. Я был готов к отказу, знал точно – если не получится ничего выжать из киосков, брошу их с легкостью. Возможно, сосед уловил мой настрой, потому как вместо обычных препирательств произнес простое «да, давай».

Покончив с коробками, я рассчитался с продавщицами.

- Ну, что, Рома, все!?! – задорно с горчинкой в голосе, отделяя паузой каждое слово, произнесла старушка, пряча деньги в карман легкой курточки.

- Надежда Петровна! – начал я, прерывисто вздохнув, волнуясь. – Я не знаю, как будет дальше, честно! Может, перенесем это наш большой киоск на ту сторону и будем торговать дальше. Хотя, мне как-то уже не очень хочется, признаться. Может, продадим, если найдутся желающие... - я оглянулся, отец возвращался, цепляясь то и дело ногами за летающий и валяющийся мусор. Рынок был похож на часть города, население которого в спешке бежало от наступающего неприятеля, забирая с собой, что могло унести и увезти. Все сновали кругом. Какая-то женщина металась меж поредевшими торговыми рядами.

- Вон та тетка, - буркнула Полина. – Которая спрашивала про киоски.

Я принял у продавщицы ключи, глянул в сторону приближающихся тетки и отца, поблагодарил Полину за работу, простился с ней, и та поковыляла прочь.

- Все уже погрузили? – подойдя, произнес отец, изображая неуместное благодушие.

- А вы киоск продаете!?! – раздалось за спиной.

Все обернулись. Метущаяся тетка стояла рядом.

- Да как вам сказать, можем и продать, если цену хорошую дадите! – все в том же неясном мне игривом настроении выдал отец. Я начал злиться. Явно пришел покупатель, чего перед ним комедию ломать? Договаривайся и продавай!

- А сколько ж вы хотите!?! – бойкая тетка дернула плечом, поправляя лямки сумки.

Отец медлил. Я и Надежда Петровна вопросительно смотрели на него.

- А вам какой киоск нужен? – развел руками отец. – Целый или половинка?

- Зачем мне половинка!?! – вытаращилась тетка. – Целый, конечно! А ваш какой!?

- А у нас целого нет... - начал было отец.

- Есть целый! – рявкнул я, хлопнул ладонью по киоску. – Вот этот наш полностью!

Отец растерянно заморгал.

- Этот ваш!?! – вцепилась взглядом в киоск тетка и тут же оказалась рядом со мной.

- Отлично! То, что надо! Так сколько вы за него хотите!?

Тетка посмотрела на меня, перевела взгляд на отца.

- Вот главный! – повеселел вдруг я от его растерянности. – Все вопросы к нему.

- Так сколько вы хотите за киоск!?! – надела тетка на отца.

- Ну... - заскреб тот пальцем в затылке, уперся другой рукой в бок и отставил ногу вперед, приняв любимую позу, обещающую долгую и обстоятельную беседу. – Это надо подумать. Вместе две половинки будут стоить семьдесят тысяч.

- Сколько!?! – завопила тетка.

Отец подобрал ногу.

- Семьдесят тысяч, - повторил он. – Мы столько сами заплатили за две половинки. За одну тридцать тысяч, за вторую сорок.

- Не, я могу только тридцать дать, больше не могу! – отрезала тетка.

- Ну, - развел руками отец. – Наш стоит семьдесят, меньше никак.

- Ладно! – произнесла тетка. – Я буду тут рядом, похожу еще по другим киоскам, поспрашиваю. Если надумаете, найдите меня.

- А вам зачем киоск? Где ставить будете? Повезете в другое место? – спросил я.

- Да не, на ту сторону хочу перевезти, я договорилась в администрации, одно место мне оставляют уже, сейчас кран приедет к семи вечера, - отчеканила тетка.

Я глянул на часы – 17:08.

- Хорошо, мы вас найдем, если что, подумаем сейчас, - сказал я, тетка убежала.

- Анатолий Васильевич, ну, я пойду, наверное? – произнесла Надежда Петровна.

Минута неловких прощаний и напутствий и старушка с пакетом в руке пошла в противоположную Полине сторону.

- Что там, в офисе, в администрации рынка сказали? – посмотрел я на отца.

- Да я что-то и не застал там никого, походил, посмотрел, люди какие-то суетятся, как эта тетка, бегают кругом. А толком никто ничего сказать не может, - развел руками он.

«Вот такие как эта тетка все уже узнали и место застолбили на той стороне рынка, а ты проходил там полчаса и ничего не узнал, киоск у нас есть, а места нет, - раздражаясь подумал я и тут же пресек мысль другой. – Ничего не исправишь. У каждого тот характер, какой есть. И с ним каждому жить. Так вот все мы и терпим друг друга».

- Понятно, - сказал я, пошел к «газели» и стал закрывать кузов, чтобы занять себя.

- Может, все-таки снизите цену до тридцати!?! – объявилась тетка, едва я закончил. – А то уже через час приедет кран, я бы киоск купила и на новое место поставила!

Я огляделся, отец как испарился. В секунду вдруг ясно увиделось будущее, связанное с киоском – он на новом месте, Надежда Петровна за прилавком, покупателей мало, выручка слабая, деньги в товар вложены, мы с отцом скандалим, вешаем на киоск бумагу о продаже, но покупателей нет и так пару лет. Я вздрогнул. Нет уж, спасибо.

- Да! Давайте, за тридцать я вам его уступлю! – сказал я.

- Правда!?! – чуть не завопила тетка. – Ой!! Все, беру!!! Ой! Только у меня деньги дома, но я живу здесь недалеко, мне минут десять надо, я мигом туда и обратно, хорошо!?

- Идите, я вас подожду здесь, - произнес я с деланным равнодушием, да так удачно, будто всю жизнь торговал ржавыми киосками. – Только не задерживайтесь.

Последние слова усилили эффект. С воплем «я мигом!» тетка побежала в сторону спящего на закате солнца. Я закурил, преждевременная радость рвалась наружу. «Зачем надо просить за этот сраный киоск семьдесят тысяч, если он столько не стоит?» - подумал я о врожденном неумении отца торговать. «Мы все равно давно уже отбили все вложения и получили прибыль. Да продать его и забыть! Тридцать тыщ – отличная цена.»

Отец как сквозь землю провалился.

Прибежала тетка, сунула мне деньги, и мы нацарапали на тетрадном листе договор. Вне себя от нахлынувшего счастья тетка снова убежала в закат. Едва я сунул деньги в карман джинсов, как дал волю чувствам – расплылся в счастливой улыбке – гора с плеч!

- Ты чего такой радостный!? – подошел отец.

- Киоск продал, - улыбался я сам себе.

- Кому, той тетке!? – отец вытянулся в лице.

- Ага! – я зажмурил один глаз.

- За сколько же!?

- За тридцатку.

- Нда, - замылся отец. – Что ж так дешево-то!?

Я достал пачку денег и шмякнул ее отцу в ладонь: «На! Не жадничай! А то и этого бы не получили! Эта ржавая банка вообще ничего не стоит, я б за нее и рубля не дал!»

Отец уставился на меня как на человека, совершившего непростительное своеволие – принявшего самостоятельное решение.

- Чего ты на меня так смотришь? – ухмыльнулся я.

- Да так, - по заострившемуся лицу отца мелькнуло недовольство. – Шустёр!

- Ну а чего тут тормозить? Была покупательница, я продал. Все дела!

- А товар для розницы теперь куда денем!?

- Да продадим! Куда денем!? Распишем по клиентам, уйдет за два месяца весь, а то и быстрее. А деньги высвободим и в оборот пустим.

- В какой оборот!?

- Да в любой! Вон, сейчас сезон на дихлофосы начинается! Туда и сунем деньги! А дихлофосы – товар денежный, там деньги нормальные нужны! Как раз они и появятся.

- А, ты уже все решил, да!?

- Слушай, чё ты пристал!? Ты до конца жизни что ли собирался таскать коробки в эти киоски!? Я – нет! Я больше не хочу заниматься розницей, мне она надоела!

Отец, сверля меня взглядом, выдержал паузу, буркнул «ну-ну» и закурил.

Я глянул на экран мобильного – 19:32.

- Поехали домой, тут делать уже нечего. Возврат из «газели» завтра выгрузим, все равно в «Сашу» ехать... - сказал я и направился к машине, отец пошел следом.

Дома, как обычно – душ, ужин, компьютер. Я нырнул в кресло и закликал мышкой. «Надо Вовке позвонить», - мелькнуло в голове. Я потянулся к телефону. И тот зазвонил.

- Рамзеееее!!! – заорал голос в трубке. – Рамзеееее!!! Блять!! Здарооова, чувааак!!

- Блять, Вов! У меня ухо щас отвалится от твоих воплей! Здарова, балда!

- Блять, Рамзес, прости! Рамзес, ну этааа... Чооо..., идем сегодня в «Небеса»!?

- Идем, конечно, что за вопрос, Владимир? Как обычно в десять у гостиницы.

- Ну всеее! Атличнааа! Давааай! Пакааа!

Я уставился на рабочий стол, соображая, что же еще не доделано. Два тетрадных листа, исписанные продавщицами с обеих сторон, лежали перед носом. Нашей розницы уже не было, дела могли и подождать.

- Да пошло оно все нахер! – выпалил я вслух, отмахнулся и выскочил из кресла.